

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Мехтиев В.Г. А.С. Пушкин в восприятии "русского Харбина" // Филология: научные исследования. 2024. № 1.
DOI: 10.7256/2454-0749.2024.1.69685 EDN: KAPBEA URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69685

А.С. Пушкин в восприятии "русского Харбина"

Мехтиев Вургун Георгиевич

доктор филологических наук

профессор, кафедра литературы и журналистики, ФГБОУ ВО "Тихоокеанский государственный университет"

680035, Россия, Хабаровский край, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 136, оф. 416

✉ mextiev@mail.ru



[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.1.69685

EDN:

KAPBEA

Дата направления статьи в редакцию:

27-01-2024

Дата публикации:

05-02-2024

Аннотация: Объектом исследования является критика и публицистика "русского Харбина", посвященная Пушкину. Ставится цель, определить место, которое занимали личность и творчество поэта в духовной культуре эмигрантов; раскрыть грани создаваемого восточными эмигрантами пушкинского мифа. Русская эмиграция регулярно выступала на тему Пушкина, на протяжении десятилетий проводила День русской культуры, привязанный исключительно к имени классика. Внимание уделяется критике и публицистике не только «коренных» русских харбинцев, но и публикациям, авторство которых принадлежит западным эмигрантам, творчески связанным с периодическими изданиями «русского Харбина»; эти публикации большей частью не включены ни в какие библиографические списки. Были изучены материалы Государственного архива Хабаровского края. Оказалось, что русские эмигранты в Китае опубликовали о Пушкине более трехсот статей. С опорой на методы описания, а также философской феноменологии осмысливаются культурно-исторические, эстетические и

литературоведческие параметры «пушкинских» статей «русского Харбина». Существует серьезная традиция изучения художественного и эстетического наследия первой волны русской эмиграции, но эстетическая мысль «русского Харбина» недостаточно убедительно вписана в эту традицию. Существенным результатом исследования является обнаружение газетных и журнальных статей, примеров не только профессиональной, но и журналистской и читательской критики, ранее находившихся в неизвестности. По итогам проведенной работы появляется возможность расширить библиографию публикаций о классике. Вывод, который делается автором, заключается в том, что высказанная некогда Ап. Григорьевым мысль о том, что "Пушкин - наше все" для русских харбинцев действительно имела значение национальной идеи, "идеи существования" на чужбине. Отечественные литературоведы и зарубежные слависты уделяли внимание в основном пушкинистике русской эмиграции в Европе. В статье пушкинистика восточной линии русской эмиграции исследуется в качестве неотъемлемой части литературного наследия всего Русского зарубежья. Преодолевается существующий доныне стереотип о "вторичности" литературной критики восточных эмигрантов.

Ключевые слова:

Пушкин, русский Харбин, литературная критика, публицистика, русская эмиграция, периодические издания, национальная идея, контекст, пушкинистика, мифологизация

Литературоведы осваивали системно творчество западной части русской эмиграции, о чем свидетельствует объем исследований, изданий, справочных материалов. Достаточно назвать ученых, внесших серьезный вклад в осмысление наследия западной эмиграции: О.А. Коростелев [\[6, 7\]](#), В.М. Толмачев [\[16\]](#), С.Р. Федякин [\[18\]](#), М.Д. Филин [\[5, 15, 17\]](#) и другие. По итогам многочисленных изысканий подтвердилась мысль П.Б. Струве, полагавший, что «самым ценным вкладом зарубежных писателей в общую сокровищницу русской литературы должны будут быть признаны разные формы нехудожественной литературы». В ряду «нехудожественной литературы» он на первое место ставил критику и эссеистику [\[13, с. 239\]](#).

Но Русскому зарубежью Китая повезло меньше. Причин этому несколько. Творчество восточной ветви русского изгнания долго пребывало на периферии; к нему относились с недоверием, существовало мнение, что по содержательным и выразительным качествам оно уступает критике и эссеистике западных эмигрантов, что отчасти справедливо. К тому же, их писания рассеяны чуть ли не по всему миру, а это создает проблема для ученых. И все же доступный материал убеждает, что критика и публицистика «русского Китая» (в основном – «русского Харбина») заслуживает бережного отношения. Достойны внимания не только большие имена, коих было не так уж много; думается, здесь нельзя отворачиваться даже от текстов, так сказать, среднего разряда, рассчитанных, как правило, на периодические издания. «Толстых» журналов в «русском Китае» не было, за исключением «Рубежа». Но только в харбинских газетах, однодневных изданиях, альманахах было напечатано более трехсот статей о русской литературе. Из них более ста о Пушкине. Тем более, что ежегодно проводился День русской культуры, приуроченный к имени классика. В этом смысле можно с полным основанием говорить о пушкинистике Харбина. Часть статей недавно была опубликована в виде двух книг с комментариями; приведены биографические сведения об авторах [\[11, 12\]](#). Одна из них целиком состоит из публикаций о Пушкине. Несмотря на это, работу по анализу художественно-эстетических опытов восточных эмигрантов нельзя считать завершенной.

Исследования последних нескольких лет показывают: каждое новое обращение к ней открывает любопытные смыслы пребывания русских в Поднебесной [\[8, 9, 10, 19\]](#).

Пушкинская тема в периодике «русского Харбина» отразилась разнопланово. Эмигрантов, независимо от их взглядов, объединяла любовь к Пушкину, который приобрел в их глазах статус символа Родины, а его произведения – национальной Библии. Пушкиниана Харбина охватывала статьи, рецензии, эссе, написанные не только теми, кто проживал здесь. Нередко встречались публикации, принадлежащие эмигрантам Запада. Например, А.В. Амфитеатров, выступивший в газете «Заря» со статьей «Пушкин в жизни Гоголя». Или Н.В. Калишевич (псевдоним Р. Словцов) после 1917 года живший в Софии и Париже и известный своими в том числе пушкинскими заметками в «Заре», «Рупоре». Наиболее значительная из них – «Последние дни Пушкина» [\[11, с. 329-337\]](#). Можно назвать И.Г. Акулинина, члена кружка казаков-литераторов в Париже. В Шанхае была выпущена его книга «Оренбургское казачье войско в борьбе с большевиками. 1917–1920». В харбинской печати вышла его статья «Поездка Пушкина в Оренбург и Уральск. История пугачевского бунта. Капитанская дочка» [Там же, с. 224-335]. С проблематикой этой публикации перекликался очерк в «Рупоре» А.К. Семенченкова «Пушкин и казаки». Или эмигрировавший в Ригу М.Д. Вайнтроб, человек обаятельный, но беззащитный перед суровыми историческими обстоятельствами; он покончил жизнь самоубийством. Его статья для «Зари» «Пророческие сны у Пушкина» была написана в русле психологического направления в литературоведении. Там же, в Риге, после эмиграции жил П.М. Пильский. Он сотрудничал с газетой «Сегодня» (Рига). Писал под псевдонимами: Р. Вельский, Гр. Девиер, Петроний, Ф. Стогов, П. Трубников и криптами: П.П., С.Ф., Т.Б.Р., П.Тр. В «Рупоре» за 1929 и 1937 годы он напечатал заметки: «Пушкин и его романы. Письма женщин великому поэту», «Можно ли было спасти Пушкина?».

Следует остановиться особо на В.В. Перемиловском. В середине 1920-х гг. он преподавал русский язык в Новой смешанной гимназии в Харбине. Публиковался в журнале «Вопросы школьной жизни». В Харбине он выпустил книги «Ожерелье жемчужное» (1923), «Пушкин» (в двух частях, 1934, 1935), «Лермонтов» (Харбин; Прага, 1941). Позже написанное им было собрано в книге этюдов «Беседы о русской литературе» (Харбин; Прага, 1935). В 1935 г. газета «Рупор» напечатала отрывки из этой книги о Пушкине: «Медный всадник», «Домик в Коломне», «Евгений Онегин», «Скупой рыцарь», «Моцарт и Сальери», «Пир во время чумы».

Правда, харбинская пушкиниана, за редким исключением, не выходила за кругом представлений Русского зарубежья в целом; образ Пушкина подвергался мифологизации, хотя встречались попытки воссоздать реалии биографии поэта, однако бессильные внести существенное изменение в устоявшийся его образ. Здесь надо отдать должное «коренным» харбинцам Г.Г. Сатовский-Ржевскому – автору статьи «Письма Н.Н. Пушкиной»; богослову Н.П. Покровскому («Пушкин и его современники»). В 1922 г. эмигрировавший в Харбин Л.Н. Виктор (архиепископ Никандр) выступил с публикацией «Здесь жил Пушкин. Дом № 12 на набережные реки Мойки», а О.В. Голубцова – со статей «Исторический облик А.С. Пушкина».

Амфитеатров, например, подвергал скептическому переосмыслению существующий доныне миф о личной дружбе между Гоголем и Пушкиным. А. Семенченков же, назвав Пушкина «первым поэтом российского казачества», подчеркивал, что он «спас от забвения и оживил своим» гением «преданья седой казачьей старины и устные сказания о народных героях свободолюбивого казачества»; поэт вернул к жизни фольклор казачества. Статья собственно о казачьем сотнике В.Д. Сухорукове, историке донского

казачества, и о встрече Пушкина с ним в Арзруме. Известно, что В.Д. Сухоруков еще в 1825 году опубликовал материалы о быте, обрядах и традициях казачества, заинтересовавшие поэта [\[14\]](#). Автор показывает, что «интерес Пушкина к Пугачеву и увлечение Ст. Разиным можно проследить с 1820 года и до последних месяцев жизни» [\[11, с. 50\]](#).

Этюды Перемиловского находятся под заметным влиянием книги «Мудрость Пушкина» (1919) М.О. Гершензона. Кроме того, в них ощутима атмосфера критики символистов. Этюды должны были произвести впечатление своей свежестью и оригинальностью наблюдений. Так, персонажа «Домика в Коломне» графиню автор сравнивает с повзрослевшим «теперешним Пушкиным», человеком страдающим, хотя старающимся казаться счастливым. Параша – тот же Пушкин, только «в пору Лицея». А образ Татьяны в «Евгении Онегине» раскрывает душу «многолюбивого нашего поэта» [\[11, с. 55\]](#). Перемиловский думал, что Пушкин видел в своих героях «представителей русского общества, а не случайных лиц»: «Но как из всей обширной России Пушкин изобразил только самое крупное – С.-Петербург, Москву, Одессу», «так и из общества русского Пушкин взял наиболее интересных, лучших его представителей, в то время как вокруг этих двух – Евгения и Татьяны – шумит и суетится целая толпа людей бесцветных, ограниченных, заунывных». Пушкин точно выразился, написав: «роптанье вечное души», характеризуя Онегина. В этюдах рисуется образ первого «русского интеллигента», «человека с мятущейся душой, с серьезным умом», но «беспоощадного в столкновении с грубой действительностью» [Там же, с. 55, 56]. Конфликт, показанный в «Медном Всаднике», Перемиловский переносит в метафизический план, он осмысливает его через противостояние христианства и язычества, через идею «отречения от своего "я" в Боге, ведомого смиренного чиновника» и героем-сверхчеловеком. В «Моцарте и Сальери», по мысли автора, показана трагедия страсти, но поэт и здесь выделяет «тот момент этой страсти, когда она перестает быть презренной», поскольку «она озаряет трагическим заревом безысходно ею пораженного человека». Точно также Пушкин показал трагедию скупости в «Скупом рыцаре». Интересны параллели, проводимые между образами Барона и ростовщика Соломона: «Чтобы резче оттенить эту поэзию, эту мистику золота, рядом с Бароном выведен другой скупой, но уже не рыцарь, не поэт, а сама гроза – ростовщик Соломон, для которого деньги – средство влачить свое ничтожное существование»; «Соломон трагической фигурой не станет никогда» [Там же, с. 64, 65, 73, 77].

Нередко размышления о величественном образе Пушкина сопровождались довольно жестокой и не всегда справедливой критикой советского пушкиноведения. Язвительно высказался в этом плане, например, В.В. Энгельфельд – юрист и востоковед, профессор в Пекинском институте русского языка и юридических наук, а после переезда в Харбин – заведующий кафедрой административного права на Юридическом факультете.

В статье «Пушкин и русские классики в советской России» он писал, что «в бурную революционную эпоху» авторитет «рожденных дворянской средой Пушкина, Лермонтова, Тургенева и прочих» находился под вопросом. Предлагалось заменить классику «своей», «пролетарской литературой». Только спустя десятилетия большевики, хотя и однобоко, «уяснили себе значение Пушкина и других наших классиков». XIX век, далекий, по мнению автора, от «политического и социального радикализма», противопоставляется радикальному началу XX века. Русских классиков во главе с Пушкиным он называет подлинной интеллигенцией, взявших на себя «ответственную миссию создания русской культуры»; «внедрение классовой розни и ненависти не входило в программу тогдашней правительственной политики». На этой благодатной

почве написаны поэмы «Полтава», «Медный всадник», стихотворение «Клеветникам России», в которых слышится «голос русского патриота». Энгельфельд идеализирует императорскую власть, возвышает Николая I, якобы милосердного цензора Пушкина, следящего за тем, чтобы «грехи» пушкинского свободолюбия не противоречили «правительственным веяниям». Именно Николай I, как никто другой, разглядел в поэте гения, «готового отдать свое блестящее перо для служения русским национальным интересам». Странно звучат слова о милосердном отношении царя к «оппозиции» [\[11, с. 79\]](#).

Что же касается большевистской власти, то она с неизбежностью осознала, что «нудная советская литература с ее антихудожественными» произведениями «и отнюдь не поэтической поэзией не может удовлетворять даже скромного и непретенциозного советского читателя». При этом упоминаются имена Демьяна Бедного, Гладкова, Шагинян. Упоминается и М. Горький, якобы отразивший в своих текстах лишь «неприглядную советскую действительность», которую и без того «на каждом шагу встречает советский обыватель». Литература в СССР «угощает» читателей искусственной завязкой и развязкой, предлагает им «сухие схемы». В ней отсутствуют подлинные «жизненные драмы», зато она предпочитает «лживый энтузиазм и "безграничную" любовь к вождям». Выжженное поле словесности просто вынудило советскую власть переиздавать «миллионами томов» классиков и в первую очередь «почитаемого нами Пушкина». Ибо без творчества Пушкина советский читатель лишен всего того, что умственно и духовно возвышает. Завершается статья высокой патетикой: «Итак дорогу Пушкину, дорогу просветленной подлинным гением русской поэзии! Ибо это поэзия не теперешних социалистических рабов, а поэзия истинных сынов свободной и великой России, которая только и смогла дать миру таких величайших художников мысли, как Пушкин и Лермонтов, Толстой и Достоевский» [\[11, с. 78-83\]](#).

Злобные оценки советской литературы можно отнести к «общему месту» выступлений эмигрантов. В небольшом очерке А.И. Несмелова (Митропольского) «Пушкин и Россия» применяется типичная для эмигрантов стилистика: «антинациональные силы», «вредители России», «враги России», «советчина». К ним подводятся имена Писарева, «нигилистов» XIX века, Бурлеков, Крученых, Крупской. А между тем у «страны обессиленной, обворованной, залитой кровью и нечистотами, осталось одно солнце – Пушкин». Однако следует помнить, что «бессмертная душа» Пушкина пребывает не «там», то есть не в советской России, где проводятся «пушкинские торжества», «а с нами, хранителями той России, которой он отдал свой гений» [\[11, с. 41\]](#).

Несмелов отметил еще одним «общим местом», возможно, вполне справедливой мыслью о том, что мы смотрим на мир, на историю глазами Пушкина, хотя и не задумываемся об этом: «Разве, например, образ Петра Великого, какой имеется в каждой русской душе, – не создание гения Пушкина? Да, это так! <...> Если это так, а это действительно так, то возникает вопрос: почему же зрение Пушкина сливается с нашим зрением, почему его видение России овладело нами?». Не потому ли, что «глаза великого нашего поэта слились» «с очами нации»? Русский человек смотрит не только на Петра 1 глазами Пушкина, «ровным счетом это касается и Пугачева, Бориса Годунова, Пимена, Самозванца. Да, непомерно велика над нами власть Пушкина!» [Там же, с. 39].

Даже умный, отличающийся тонкостью наблюдений и широкой эрудицией Г.Г. Сатовский-Ржевский не избежал тенденциозного взгляда на советскую пушкинистику. Свою задачу он видел в том, чтобы превратить «живого человека» Пушкина в «историческую фигуру», в «человека и гражданина». В статьях «Два слова о великом», «Пушкин –

сверхчеловек» он настаивал на том, что понятие «величайший» Пушкину не подходит; он «поэт вне сравнений, единственный», до такой степени, что даже большевики, выбросившие «из лексикона имя России», «не осмелились посягнуть на имя Пушкина». Большевиков он называет «коммунистическими пошляками», ограбившими Петра Первого «в пользу полоумного Ленина»: «В России нет Петербурга, нет Петрограда, есть, извольте ли видеть, Ленинград. Экая честь, подумаешь, городу носить имя человека, тронутого прогрессивным параличом! Но доколе в русской литературе будет существовать "Медный Всадник", "Полтава", т. е. Пушкин, тени Петра Великого скорбеть не о чем». Пушкин «пребывает почетным стражем» Петербурга, «петербургской России». Назвав Пушкина «лучшим выразителем нашей национальной души» и «лучшим истолкователем России», Сатовский-Ржевский с иронией пишет «большевиках», «бесцеремонно присвоивших себе Пушкина». Эмигрант уверен, что Пушкин «как великий патриот и певец Великодержавной Императорской России» – «не только органически чужд, но и просто враждебен большевизму и как бы ни старались советские "пушкинцы" сделать из него революционера – светлый дух Пушкина сейчас не с ними» [\[11, с. 89, 100\]](#).

Общая для многих представителей «русского Харбина» стилистика обуславливалась авторитетом пушкинианы западной эмиграции и не в меньшей степени авторитетом К.И. Зайцева, проведшего в Китае в общей сложности четырнадцать лет и ревностно выделявшегося в проведении пушкинских торжеств и Дней русской культуры. Его публицистика большей частью знакома современному читателю. Статьи «Борьба за Пушкина», «Смерть Пушкина», «Куда ведет нас Пушкин?», «Пушкин и музыка» были напечатаны именно в Харбине. Зайцев последовательно выступал против социологического метода изучения Пушкина, пушкиноведов советской России нарекал пропагандистами, занятыми фальсификацией и «научнообразной мертвечиной»; советская власть видит в Пушкине писателя, предвосхитившего социалистический строй. В действительности же Пушкин и его творчество – поле мировоззренческой борьбы между эмигрантами и советской пушкинистикой. Пушкин – символ той России, «к которой считают себя принадлежащими все русские эмигранты, без различия политических оттенков»; «Пушкин – наше все», все остальное – «произвольная стилизация, а иногда и подлинная фантастика» [\[11, с. 248, 250\]](#).

К.И. Зайцева менее всего интересует в Пушкине историческое содержание его личности. Что же касается художественной стороны его творчества, то здесь тезис, выдвинутый еще в XIX веке Ап. Григорьевым: в Пушкине «заключается правильная, художественно-нравственная мера» [\[1, с. 58\]](#) – в Русском зарубежье никогда не подвергался сомнению. Напротив, их деятельность во многом была направлена на углубление, истолкование этого положения. Если к этому прибавить еще и фразу: «Пушкин – наше все», пущенную в обиход тем же Ап. Григорьевым, то имя Пушкина наполнялось совершенно неожиданными мифологемами, о которых критик, может быть, и не думал. Зайцев апеллирует к Пушкину как к представителю «великодержавного народа». Пушкин презентуется как «воплощение Императорской России, Великой России». А если говорить о поэте в провиденциальном значении, то, несомненно, он всем своим творчеством призывает потомков «к восстановлению Российской Великодержавной государственности». Пушкин показал: «путь к Великой России идет через Святую Русь», то есть через верность заветам Православия [\[3, с. 11\]](#).

В статье «Религиозная проблема Пушкина» Зайцев писал: «Пушкин творил и в своем творчестве давал некий идеальный образ бытия, на котором можно было учиться жить, который с наглядностью неотразимой разрешал самые сложные, самые мучительные,

самые соблазнительные проблемы» [\[2, с. 115\]](#). Автор ставит вопрос онтологии, внутренней природы творчества Пушкина, отмечая такое свойство его созданий, как «душевная подлинность»; поэтический мир Пушкина отмечен тем, что в нем отразилось все то, что лично пережито поэтом. За этим следует «художественная обезличенность», знаменующая изжитость личного начала в художественном образе. Творчество в понимании Пушкина, считает Зайцев, «есть акт преодоления "личного", акт самоочищения от него (катарсис)» [Там же, с. 119].

Артистически написанная «Религиозная проблема Пушкина» была полемической. Она направлена против главных тезисов книги М.О. Гершензона «Мудрость Пушкина» (1919), в частности, излишне резко выраженной в ней мысли о том, что Пушкина надо знать, но по Пушкину жить нельзя; Пушкин, по мнению Гершензона, был язычником и фаталистом, что явилось как бы вызовом православному пониманию личности и творчества русского поэта.

В пушкиниане восточной эмиграции выделяется писание филолога и историка Е.Ф. Шмурло. Он публиковался в разных периодических изданиях Русского зарубежья, в том числе в харбинском ежегоднике «День русской культуры». Еще в 1899 году он выступил с речью «Пушкин в развитии нашего самосознания», которая впоследствии была напечатана в «Пушкинском сборнике», изданном Императорским Юрьевским университетом по случаю годовщины со дня рождения поэта. А в 1931 году в уже названном харбинском сборнике вышла его большая работа «Что дало нам творчество Пушкина?», которая вполне заслуживает того, чтобы быть включенной даже в школьные учебники по литературе.

Автор соединяет свои размышления о прошлом, настоящем и будущем России. В фокусе внимания Шмурло – открывший потомкам русскую национальную картину мира Пушкин. И лишь в заключительной части автор переходит к патетике, с тем, чтобы максимально эмоционально выразить свою тревогу за судьбы России и русского человека: «Пушкин – это наша Мать Земля, источник наших сил; мы все – маленькие Антеи. Оторвавшись от этого источника, мы гибнем. Зато прикоснувшись к нему, мы растем, крепнем духовно» [\[11, с. 209\]](#).

Рефлексия по поводу основных достижений Пушкина в области художественного творчества сопровождается тревогой о «беженском положении» эмигрантов с их «тревожными заботами» о существовании – «среди калейдоскопической смены ежедневных, чаще всего мелких интересов». Суэта эмигрантского существования отвлекает от «возвышающего обмана», насущной потребности «час-другой в спокойной, вдумчивой беседе с нашим великим поэтом насладиться гармонией его звуков, мысленно восстановить созданные им художественные образы». А ведь нужно вносить «мир и гармонию в свою обычную тревожную жизнь, получить право бодрее и смелее смотреть на мир Божий, не чувствовать себя в нем так безнадежно затерянным, как, может быть, неоднократно чувствуем мы себя теперь, в длительные серые дни нашего безвременья» [Там же, с. 193].

Что же нам дало творчество Пушкина? Пушкин с небывалой очевидностью открыл «великое значение идеи национальной» – как «основного руководящего начала нашей личной, общественной и государственной жизни»; его личность и творения скрепляют жизнь личную, социально-ответственную и государственную. Русскому народу еще только предстояло открыть самого себя, всмотреться в собственную душу. Вот эту миссию всматривания в самого себя, открытия самого себя и осуществил Пушкин. Он навел

русских на путь самоопределения – путь, на котором одинаково и слои, оторванные от родной почвы, вновь обрели бы ее, и толща народная получила бы возможность сохранить и культивировать на благо последующих поколений» [Там же, с. 197].

Е.Ф. Шмурло настойчиво повторяет мысль: «только Пушкин впервые уловил биение русского сердца, не сердца вообще; только у него впервые полет этого ума и эти волнения души обрисовывались с тою окраской, с той индивидуальностью, какие присущи именно русскому человеку». До Пушкина, считает он, русский человек не подозревал присутствия в его «почве» Татьяны, скромной Марьи Ивановны, наивной старушки-няни, несчастной Русалки с ее безответной любовью. Только благодаря Пушкину русский народ осознал: все они «всецело наше, нами созданное». В «Евгении Онегине», «Повестях Белкина», в «Дубровском», «Капитанской дочке», «Домике в Коломне» – перед нами чуть не весь сложный уклад «неделанной, невыдуманной» русской жизни. Даже «английская складка» не помешала Онегину, нашему «москвичу в гарольдовом плаще» быть продуктом русской почвы [Там же, с. 200].

Заслуга Пушкина, по мнению публициста, заключается не только в том, что он нам открыл нас самих, но и в открытии русской природы: «Конечно, и до Пушкина наши поэты воспевали «поле» и «лес», «утро» и «вечер», но их поля и леса выходили какими-то безличными, бесцветными, ничего не говорящими: ведь везде и в России, и в Германии, в Европе и Африке поле может быть «широким», лес – «дремучим», вечер – «тихим», а утро – «морозным». И только с Пушкина увидели мы, что существует еще русский лес, не похожий на другие леса, и что такой лес дает не только иное впечатление, но и настроение вызывает иное; что есть *русское* утро, *русский* вечер, *русское* лето, *русская* зима и т. д.» (Курсив везде сохранен – В.М.). Пушкин нарисовал русскую природу в динамике, схватил ее в разнообразиях и оттенках, тем самым подарив нам новые ощущения и переживания родного пейзажа. По мнению Шмурло, классик показал русским, «что они русские», разъяснил им, «в чем заключается их *русскость*». Вот «почему понять и познать Пушкина – значит приблизить себя к познанию русской народности, русской души» [Там же, с. 201, 204].

Е. Замятину принадлежат слова: «я боюсь, что у русской литературы одно только будущее: ее прошлое» [4, с. 124]. Утопия может быть обращенной как в будущее, так и в прошлое. Эмигранты большей частью были консерваторами, ностальгирующими по прошлому. Прошлое России, все ее социальные, государственные устои и нравственные характеристики мифологизировались. Дореволюционная Россия виделась «потерянным раем», «блаженным местом». Им нужен был аргумент, оправдывающий их утопию и мифологию. Созданный ими миф о Пушкине распространялся на все историческое прошлое и наоборот. Пушкин воспринимался эмигрантами через идею providенциального пути России; поэт воспринимался ими как явленное и оправданное Богом чудо.

Библиография

1. Григорьев Ап. Сочинения в двух томах. Том 2. Москва: Художественная литература. 1990. 509 с.
2. Зайцев, К.И. Куда ведет нас Пушкин // День русской культуры. Харбин: Изд-во С.И. Храмов, 1937. С. 9– 11.
3. Зайцев К.И. Религиозная проблема Пушкина // Россия и Пушкин. 1837–1937. Сборник статей. Харбин: Изд-во Русской Академической группы, 1937. С. 113–120.
4. Замятин Е. И. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 3: Лица / Сост. С.С. Никоненко и А.Н.

- Тюрина. М.: Русская книга, 2004. 608 с.
5. Зарубежная Россия и Пушкин: Опыт изучения. Материалы для библиографии (1918–1940). Иконография / Сост., предисл., коммент. М.Д. Филина. Москва: Дом-Музей Марины Цветаевой, 2004. 430 с.
 6. Критика русского зарубежья: [в 2 частях]. Часть 1 / Сост., авт. примеч. Коростелев О.А., Мельников Н.Г. Москва: АСТ: Олимп. 2002. 471 с.
 7. Критика русского зарубежья: [в 2 частях]. Часть 2 / Сост., авт. примеч. Коростелев О.А., Мельников Н.Г. Москва: АСТ: Олимп. 2002. 462 с.
 8. Мехтиев В.Г., Пасевич, З.В., Струк, А.А. Критика и публицистика русской эмиграции в Китае: коллективная монография. Хабаровск: Изд-во Тихоокеанского гос. ун-та, 2020. 84 с.
 9. Пасевич З.В. Литературная критика на страницах газет «русского Харбина» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2019. Т. 12. Выпуск 6. С. 42–48.
 10. Пасевич З.В. М.Ю. Лермонтов в критике и публицистике русской эмиграции Китая // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2020. № 10. С. 38-45.
 11. Русская эмиграция в Китае. Критика и публицистика. «... сын Музы, Аполлонов избранник»: статьи, эссе, заметки о личности и творчестве А.С. Пушкина / Сост., подг. текстов, коммент. Струк А.А., Мехтиева В.Г., Пасевич З.В. Москва: Худож. лит., 2019. 495 с.
 12. Русская эмиграция в Китае. Критика и публицистика. На «вершинах не вечернего света и неопалимой печали». Очерки, статьи, рецензии, мемуары о русских писателях / Сост., подг. текстов, коммент. Мехтиева В.Г., Пасевич З.В., Струк А.А. Москва: Худож. лит., 2020. 656 с.
 13. Струве Г. Русская литература в изгнании: опыт исторического обзора зарубежной литературы. Париж, Москва: Русский путь, 1996. 408 с.
 14. Сухоруков В.Д. Общежитие донских казаков в XYII и XYIII столетиях. Рыцарская жизнь казаков. Частная жизнь донцов в конце XYII и в первой половине XYIII века // Русская старина. С.-Петербург: тип. Департамента народного просвещения, 1825. С.173–342.
 15. Тайна Пушкина: из прозы и публицистики первой эмиграции / Сост., предисл., коммент. М.Д. Филина. Москва: Эллис Лак, 1998. 541 с.
 16. Толмачев, В.М. (1995). Поэт и поэзия в литературной критике В. Вейдле // Социальные и гуманитарные науки. Зарубежная литература. Серия. 7, Литературоведение: РЖ. № 4. С. 73–89.
 17. Фаталист: Зарубежная Россия и Лермонтов / Коммент., авт. вст. Статьи М.Д. Филин. Москва: Русский мир, 1999. 286 с.
 18. Федякин С.Р. Искусство рецензии в «Числах» и «Опытах» // Литературоведческий журнал. 2003. № 17. С. 65–96.
 19. Хабарова, Ю.П. Театр А.П. Чехова в восприятии эмиграции в «русском Харбине» // Человек и культура. 2021. № 5. С. 13 – 21

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «А.С. Пушкин в восприятии "русского Харбина"», предлагаемая к публикации в журнале «Филология: научные исследования», несомненно, является актуальной, ввиду изучения особенностей текстов «восточной» части русской эмиграции, а также реализацией пушкинской темы в периодике «русского Харбина». Работы русских эмигрантов были долгое время без должного внимания филологов, поэтому работу по анализу художественно-эстетических опытов восточных эмигрантов нельзя считать завершенной.

Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие теории литературы в области изучения творческого пути русских писателей в эмиграции.

Статья является новаторской, одной из первых в российской филологии, посвященной исследованию подобной тематики в 21 веке.

В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы.

В статье используются как общенаучные методы наблюдения и описания, так и методы филологии.

Все теоретические измышления автора подкреплены практическим материалом на русском языке. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что в вводной части слишком скудно представлен обзор разработанности проблематики в науке.

Библиография статьи насчитывает 19 источников, среди которых теоретические работы как на русском языке. Считаем, что обращение к работам зарубежных исследователей на языке оригинала по данной и смежной тематикам, несомненно, обогатило бы рецензируемую работу.

Большее количество ссылок на ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации, несомненно бы усилило теоретическую значимость работы.

В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Высказанные замечания не являются существенными и не влияют на общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость определяется возможностью использовать представленные наработки в дальнейших тематических исследованиях. Практическая значимость работы: материалы исследования могут быть использованы в вузах гуманитарного направления при изучении спецкурсов и спецсеминаров по теории литературы. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «А.С. Пушкин в восприятии "русского Харбина"» может быть рекомендована к публикации в научном журнале из перечня ВАК.